Астраханские татары-булгаринцы и их язык

Алексеев Федор Георгиевич, студент
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в г. Санкт-Петербурге

В данной статье рассматривается история возникновения татарской этнической группы смешанного происхождения, проживающей в селе Ново-Булгары Икрянинского района Астраханской области, ключевые особенности её говора и его положение в рамках тюркских идиом региона.
Ключевые слова: *Астраханская область, тюркские языки, татарский язык, татары, малые народы*

Данная работа — это попытка дать общую характеристику идиому татар села Ново-Булгары и происхождению его носителей. Её можно считать частью проекта по комплексному изучению и описанию идиомов и этнических групп Астраханского региона (см. [1, с. 14]).

В мае 2017 года нами была проведена краткая обзорная экспедиция в село Ново-Булгары Икрянинского района Астраханской области. Это село запаромное, то есть не имеет полноценного автомобильного сообщения с другими населёнными пунктами. Несмотря на относительно изолированное положение и небольшую численность населения (в селе прописано 532 человека, постоянно проживает около 450), этнический состав Ново-Булгар значительно изменился после распада Советского Союза — в селе появились казахи, цыгане, туркмены. По утверждению нашего основного информанта, местного краеведа Шамиля Курбангалиевича Сиражетдинова (1946 г. р.), в селе проживают представители четырнадцати национальностей. Крупнейшей из них по-прежнему остаются татары, которые и основали это село в 1918 году.

На территории Астраханской области проживают как минимум четыре народа, в быту часто называемые татарами — собственно астраханские татары, юртовцы, ногайцы-карагаши и алабугаты [1, с. 16]. Языки последних трёх групп ближе к ногайскому, чем к литературному татарскому или какому-либо его диалекту, что отмечает и Л. Ш. Арсланов, называя в своих работах язык юртовских татар астраханско-ногайским [2]. Интересно, что в «Атласе татарских народных говоров» (см. [5]) сёла этих народов отмечены как татарские, а их идиомы, соответственно, воспринимаются составителями атласа как диалекты татарского языка. Более того, сёла карагашей и юртовцев указаны с меткой «[язык: татарский], диалект: средний, говор: астраханский», хотя эта характеристика верна разве что для нескольких сёл собственно астраханских татар, и то под вопросом. Неудивительно, что на многих лексических картах составители отметили, что в этих сёлах не используются типичные для татарских диалектов лексемы — на них стоит пометка «другое».

Основавшие это село татары переселились на Нижнюю Волгу из окрестностей Казани в конце XIX века, бежав от голода. Сначала они осели в юртовских сёлах Карагали, Яксатово, Татарская Башмаковка недалеко от Астрахани, где работали батраками [6, с. 11]. В 1917 году шесть переселенческих семей самовольно заняли пустующие земли на левом берегу реки Бахтемир к юго-западу от русского села Комаровка, а в 1918 туда переселилось ещё 136 семей, также незадолго до этого пришедших в окрестности Астрахани с территории современного Татарстана и прилегающих губерний[8]. Другие группы астраханских татар появились в этом регионе на несколько веков раньше, и их язык, культура, образ жизни подверглись крайне значительному влиянию других народов Нижней Волги — ногайских этнических групп, казахов, калмыков, кавказских народов. Таким образом, татары села Ново-Булгары — наиболее «казанские», наиболее «татарстанские» (близкие татарстанским) из всех астраханско-татарских этнических групп. Тем удивительнее, что булгаринский говор вообще не попал в диалектологический атлас татарского языка, хотя, кажется, единственный в Астраханской области имел на это полностью обоснованное с научной точки зрения право.

Ниже приведён пример фразы, записанной нами на булгаринском идиоме, и её перевод на казанский татарский и на юртовский, считаемый нами самостоятельным языком ногайского происхождения, но включаемый составителями татарского диалектологического атласа в астраханский говор среднего диалекта татарского языка. Юртовский пример записан от информанта ААН (1982 г. р.), р. п. Ильинка Икрянинского района Астраханской области. Юртовский — географически ближайший сосед булгаринского идиома среди тюркских

8 История села приводится по данным, полученным из интервью с местным историком-краеведом и старожилом Ново-Булгар Ш. К. Сиражетдиновым, а также по материалам из его книги «История села Новые Булгары» (2001).

языков. Как уже было сказано выше, на рубеже XIX и XX веков группа, основавшая затем Ново-Булгары, жила в юртовских селениях и работала на местных жителей. Было бы логично ожидать проявлений юртовского (ногайского) влияния в речи булгаринцев, однако на данном примере видно, что он практически идентичен казанскому татарскому, тогда как в юртовском примере с ним не совпадает ни одна словоформа.

булг.	**bügen**	**balar**	**yağa**	**buy-ın-da**	**uyna-dı-lar**
	сегодня	дети.Pl	река	полоса-3SgPoss-Loc	играть-PstDef-Pl
тат.	**bügen**	**bala-lar**	**yılğa**	**buy-ın-da**	**uyna-dı-lar**
	сегодня	дети-Pl	река	полоса-3SgPoss-Loc	играть-PstDef-Pl
юрт.	**bügün**	**bala-lar**	**özen**	**jağlay**	**öyna-dı**
	сегодня	дети-Pl	река	вдоль	играть-Pst
рус.	‘Сегодня дети играли на берегу реки’.				

Нами также были отмечены целые фразы, полностью совпадающие в булгаринском идиоме и казанском татарском: **kičä min kibetkä bardım** «вчера я ходил в магазин», **beznең awılıbızның iseme yaŋa bolğar** «название нашего села — Ново-Булгары».

Как и в большинстве устных говоров, заимствования из русского языка встречаются в булгаринском чаще, чем в литературном татарском. Так, например, в примере **berenče bulıp monda awılğa kilep utırğannar altı semya, altı ğail**ä «первыми сюда в село пришли и осели шесть семей» информант использует в потоке речи русское слово *семья*. Это, однако, не говорит о полном замещении этим словом татарского аналога, поскольку дальше говорящий «исправляется» и называет уже татарскую форму с тем же значением. Таким образом, это можно считать частным случаем немотивированного переключения кодов [4, с. 307].

Несмотря на значительную близость к литературному татарскому языку, булгаринский говор имеет некоторые отличительные особенности, также объясняемые смешанным происхождением первых татар-булгаринцев, их языковыми контактами на Нижней Волге и, наконец, историей дальнейшего заселения Ново-Булгар. Как уже было сказано выше, основная часть булгаринцев — прямые потомки средневолжских татар. Следует, однако, отметить, что бегство последних носило стихийный характер и затронуло разные диалектные и субэтнические ареалы. Таким образом, в Ново-Булгарах оказались казанские, пензенские, симбирские татары, носители разных татарских и мишарских идиомов [3, с. 38]. В своей краеведческой работе Ш. К. Сиражетдинов ссылается на устное сообщение лингвиста-тюрколога Л. Ш. Арсланова, утверждающего, что в фонетике булгаринского идиома прослеживаются мишарские черты [6, с. 131], хотя в остальном он ближе к собственно казанскому татарскому. Несмотря на полное отсутствие юртовско-ногайских следов в фонологии и морфологии булгаринского говора, показанное нами в первом примере и подтверждённое массой других диагностических высказываний и текстов, в нём просматривается некоторое количество заимствований юртовского происхождения. Большинство таких заимствований относится к хозяйственной и бытовой лексике: **yaul**ä «двор», **batrač** «мята», **čıl** «делянка». В булгаринском говоре также наблюдается небольшое количество заимствований из калмыцкого языка, принесённых переселенцами из астраханско-татарских сёл Линейное (Кәменни), Курченко (Картузан), Туркменка (Төрекмән), соседствовавшими с калмыцкими. Жители этих сёл стали второй волной заселения Ново-Булгар, позднее перемешавшись с прибывшими ранее средневолжскими татарами. Слова калмыцкого происхождения, отмеченные в булгаринском говоре — **čapur** «цапля», **šur** «соль».

Не будучи специалиастами по собственно татарской диалектологии, мы не можем точно отнести булагинский идиом к какому-либо диалекту или говору татарского языка, но это и не кажется нам возможным и целесообразным, учитывая переплетение казанских и мишарских черт в местной речи и дальнейшее влияние других языков Астраханской области. Очевидно, что булгаринский относится к собственно татарскому языку и стоит к его средневолжским вариантам куда ближе, чем любые другие тюркские идиомы региона. Это позволяет нам выделить татар-булгаринцев в отдельную (суб) этническую группу как минимум на региональном уровне и маркировать их отдельно от других тюрков на карте народов и идиомов Астраханской области. Говоря о диалектной принадлежности булгаринского говора в рамках системы татарского языка, нам кажется уместным не вносить его в рамки какого-либо конкретного диалекта и поставить особняком как смешанный. Отдельно следует отметить, что мы ещё не проводили полевых исследований в астраханско-татарских сёлах южной части Наримановского района (Линейное, Курченко, Туркменка, Янго-Аскер) и не можем с уверенностью сказать, что идиомы проживающих там групп значительно отличаются от булгаринского и собственно казанского татарского. Эти сёла, однако, были заселены более чем на век раньше Ново-Булгар, так что есть основания рассматривать булгаринский идиом как обособленный.

Литература:

1. Алексеев Ф. Г., Сатанова Д. С. Языки Астраханской области // Малые языки. — 2017. — № 4. — С. 14–18.
2. Арсланов Л. Ш. Юртовских татар (астраханских ногайцев) язык // Языки мира: Тюркские языки. — Бишкек: Кыргызстан, 1997. — С. 506–513.
3. Арсланов Л. Ш., Викторин В. М. Астраханские Ново-Булгары // Идель. Молодёжный журнал Татарстана. — 1989. — № 4. — С. 38.
4. Головко Е. В. Переключение кодов или новый код? // Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета этнологии. Вып. 1. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001. — С. 298–316.
5. Салимов Ф. И., Рамазанова Д. Б., Пилюгин Г. А., Салимов Р. Ф. Электронная версия атласа татарских народных говоров // Вестник ТГПУ. — 2011. — № 4 (26). — С. 205–210.
6. Сиражетдинов Ш. К. История села Новые Булгары. — Астрахань: Волга, 2001. — 159 с.

Типы и функции эллиптических конструкций в художественном очерке С. Кржижановского «Салыр-Гюль»

Алиева Эльвина Аметовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

Эллиптическими называются такие предложения, в которых формально недостающий член не восстанавливается из внешнего контекста или ситуации, а подсказывается внутренним контекстом, то есть наличными членами предложения. «Эллиптические структуры, как особый тип двусоставных предложений, синтаксически настолько устойчивы, распространены и общеупотребительны, что становятся как бы типическими конструкциями, не вызывающими необходимости восполнять, или восстанавливать недостающие члены каким-либо путем. Наибольшее количество эллиптических конструкций падает на предложения с эллипсисом сказуемого» [3]. Эти предложения обычно конструируются из подлежащего и второстепенного члена (чаще всего — дополнения, обстоятельства), который сочетается с глаголами движения, пребывания речи, мысли, активного действия.

А. П. Сковородников в своей работе «Экспрессивные конструкции современного русского литературного языка» выделяет несколько модели эллиптических предложений, в которых опущены глаголы пяти семантических групп: а) бытия, наличия, обнаружения; б) движения; в) восприятия; г) речи, мысли; е) энергического действия. В языке художественной литературы используются также «нестандартные» модели, то есть сокращенные предложения с пропуском единого главного члена односоставных глагольных предложений или сказуемого, выраженного глаголами других семантических групп.

В привлеченном для анализа тексте художественного очерка, С. Кржижановского «Салыр-Гюль» эллиптические конструкции встречаются очень часто. Наибольшей регулярностью употребления отличаются эллиптические предложения **с пропуском глагола бытия, обнаружения**. Относительно трактовки данного типа структур существует несколько точек зрения. Синтаксическая традиция в лице А. А. Шахматова, А. М. Пешковского квалифицировала их как двусоставные неполные предложения с эллипсисом глагола бытия. А. М. Пешковский указывал на то, что обстоятельство или дополнение не могут выступать в качестве распространителя подлежащего-существительного, что наличие этих второстепенных членов свидетельствует о пропуске глагола-сказуемого, распространителями которого они являются. Аналогичным образом рассматриваются данные структуры в школьных учебниках.

После введения Н. Ю. Шведовой в научный обиход понятия «детерминант» (свободный распространитель предикативной основы простого предложения) появилась возможность трактовки предложений с препозитивным детерминантом и с эллипсисом глагола бытия как синтаксически расчлененных номинативных предложений (неклассический тип). Аналогичная трактовка представлена в ряде вузовских пособий по синтаксису современного русского языка.

Иную трактовку данным конструкциям дают Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Ширяев. Они, в отличие от Н. Ю. Шведовой и Г. А. Золотовой, исходят из представления, что классический тип номинативных предложений, распространенных определениями, «представляет собой эллиптическую конструкцию, образованную из бытийных предложений, обязательно включающих в свою структурную основу словоформу с обстоятельственным или объектным значением, фиксирующую область бытия (или класс бытующих предметов), бытийный глагол или бытующий предмет» [1]. Нулевая форма глагола бытия в таком предложении создает эллиптическое предложение [2].

Вслед за этими учеными мы рассматриваем данную структуру как двусоставное предложение с эллипсисом глагола бытия.